

Девочка
с серебряными
глазами

УИЛЛО
ДЭВИС
РОБЕРТС

Фэнтэзи для подростков

Уилло Робертс

Девочка с серебряными глазами

«ЭКСМО»

1980

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

Робертс У. Д.

Девочка с серебряными глазами / У. Д. Робертс — «Эксмо»,
1980 — (Фэнтези для подростков)

ISBN 978-5-04-102019-4

Для большинства самым странным в Кэти были её серебряные глаза. Из-за этого многие относились к ней с недоверием. Но сама Кэти знала, что в ней было кое-что ещё более необычное. Она умела передвигать предметы силой мысли, и эта сила росла с каждым днём. Также Кэти понимала, о чём думают животные. Никто из её знакомых не мог делать ничего подобного. И судя по тому, что говорили люди, она точно знала: лучше никому не знать о её способностях.

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-102019-4

© Робертс У. Д., 1980

© Эксмо, 1980

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Уилло Робертс

Девочка с серебряными глазами

Willo Davis Roberts
The Girl With the Silver Eyes

Copyright © 1980 by Willo Davis Roberts
Jacket illustration © 2011 by Jason Chan
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается моей «Кэти», Кэтлин Луизе Робертс

Глава 1

Кэти сидела на маленьком балконе квартиры 2-А, глядя на тротуар перед домом. Здесь не было двора, если не считать узкой полоски травы между парковкой и улицей. Играть негде. Её мама переживала по этому поводу, потому что хотя в двух кварталах от их дома был парк, она не хотела, чтобы Кэти ходила туда одна.

Поэтому сейчас Кэти сидела на балконе и сквозь железную решётку наблюдала за тем, что происходило на улице.

Она всегда жила за городом, и ей это нравилось. Но и в городе тоже оказалось интересно, к тому же они жили на красивой улице: широкой, затенённой высокими деревьями, и большую часть дня на ней было не так уж много машин. За исключением того времени, когда люди ехали на работу, как сейчас.

Кэти увидела, как из дверей дома появилась мисс Катценбургер. Кэти ещё не встречалась с ней, но уже знала, кто она. Она видела, как мисс Катценбургер входила в квартиру 3-В этажом выше, и посмотрела на табличку у двери.

У мисс Катценбургер были рыжие волосы, и она была довольно красивой. Кэти нравились красивые люди, как мисс Катценбургер и её мама, но сама она не была красивой. Даже если бы ей не приходилось носить очки в роговой оправе, она знала, что её лицо самое обычное. У неё были волосы обычного цвета, светло-рыжеватого оттенка, не совсем светлые и не совсем тёмные и совершенно прямые. Когда она вырастет и сможет сама принимать решения, она, наверное, станет рыжеволосой, как мисс К. Или светловолосой, как мама.

– Эй, Джой, погодите минутку!

Кэти прижалась лицом к холодной решётке, чтобы разглядеть, кто зовёт мисс К. А, это он!

Она уже встречалась с мистером Поллардом. Он жил в квартире 3-А, напротив мисс К., и вчера вечером, в свой первый день в многоквартирном доме «Седарс», Кэти столкнулась с ним на лестнице. Он уронил какие-то бумаги, Кэти на них наступила, и он обругал её. А потом, когда она сказала «извините» и уставилась на него, мистер Поллард быстро подобрал свои бумаги, обошёл её и почти бегом спустился вниз по лестнице.

Люди часто убегали от неё. Она думала, что в городе всё будет иначе в отличие от дома в окрестностях Дилейни. Нет, они не всегда убегали в прямом смысле слова, но, взглянув ей в лицо, отступали назад, что-то бормотали и спешили уйти.

Сейчас мистер Поллард, у которого была почти полностью лысая макушка, хотя он был совсем не старый, не видел её. Он нагнал мисс К., и до Кэти донеслись их голоса.

– Боюсь, я опоздал на свой автобус. Вы не могли бы меня подвезти? – спросил он.

– Конечно, – согласилась мисс К. У неё был приятный голос. – Но по пути мне надо забрать свою подругу Энжи.

– Отлично. Я как раз еду в центр города. Вчера вечером я работал допоздна, переделывая все бумаги, на которые наступила эта девчонка, а сегодня проспал.

Кэти вцепилась пальцами в решётку. Это была и его вина, потому что он тоже бежал и не смотрел по сторонам. Почему всегда обвиняют её?

Они остановились в нескольких ярдах от края балкона: Кэти видела их макушки – одну с красивыми золотисто-рыжими кудрями, а другую – с несколькими редкими прядями волос, зачёсанными на лысину.

– Подождите минутку, проверю, взяла ли я ключи. – Мисс К. принялась рыться в сумочке. – О какой девчонке вы говорите? О маленькой девочке из квартиры 2-А? Мне показалось, что в этих очках она похожа на милую маленькую сову. Такая тихая девочка. Сомневаюсь, что от неё могут быть проблемы. Вот они где!

Мисс К. зазвенела ключами. Кэти всегда называла людей по инициалам: так было легче, особенно если у них такие имена, как мисс Катценбургер. Мистер П. переложил портфель в другую руку.

– Вы смотрели на неё? На её глаза?

Мисс К. перестала звенеть ключами.

– Нет. А что не так с её глазами?

– Они серебряные. И очень странные. Она странная девочка.

– Серебряные глаза? – Мисс К. пристально посмотрела на него. – Мистер Поллард, вы ведь не пили?

– Конечно же, нет! В следующий раз посмотрите на неё повнимательнее. Она странная девочка, говорю вам! И я думал, вы будете называть меня Хэл.

Они пошли к машинам на парковке. У мисс К. был светло-голубой «Форд Пинто»: вчера днём Кэти видела, как она вылезала из него.

Они почти дошли до парковки, когда мистер П. издал оглушительный крик боли и гнева и согнулся пополам, держась за лодыжку. Потом он повернулся и посмотрел на дом.

Его глаза встретились с глазами Кэти, и в них были страх и ярость. Он громко выругался, так что она даже услышала его.

– Я же вам говорил, что с этим ребёнком что-то не так! Я чуть не сломал лодыжку.

Мисс К. изумлённо глядела на него:

– Я вижу, но при чём здесь она? Вы же споткнулись о камень!

– Да! Меня ударил камень, которого ещё минуту назад здесь не было. Он как будто появился посреди тротуара и попал прямо мне по ноге!

Он злобно смотрел на Кэти, потирая лодыжку, прыгая на одной ноге и пытаясь схватиться за фонарный столб.

– Ради бога! Разве ребёнок в этом виноват? – Мисс К. отперла дверцу машины и сердито посмотрела на него.

– Минуту назад на тротуаре не было никаких камней. Разве вы их видели? Вы когда-нибудь прежде видели камни на тротуаре?

– Нет, – признала мисс К. – Но их полно по краям цветочных клумб. Должно быть, один просто выкатился оттуда.

– Что?! – вскричал мистер П. – Как он мог выкатиться? Он появился как раз вовремя, чтобы столкнуться с моей лодыжкой! А она сейчас на балконе и смотрит на нас!

Мисс К. перевела взгляд на балкон второго этажа. На мгновение их взгляды встретились. Лицо Кэти не изменило выражения. Она видела, что мисс К. задумалась, а потом сказала:

– Она очень милая маленькая девочка.

– Милая? Мы говорим об одном и том же ребёнке? – Мистер П. повернулся и уставился на Кэти, рассерженный и недоумевающий. – Не знаю, как она это делает, но с ней что-то не так.

– Так вам надо ехать или нет? – спросила мисс К., и они сели в «Пинто» и уехали.

Кэти смотрела на двух мужчин на противоположной стороне улицы, которые не обращали на неё внимания. Потом она вспомнила о камне, по-прежнему лежавшем посреди тротуара, и стала пристально глядеть на него, пока он не сдвинулся с места. Сначала он медленно скользнул в сторону, а потом, по мере того, как Кэти всё сильнее сосредотачивалась, преодолел остаток пути по воздуху и неуклюже приземлился на краю цветочной клумбы.

Ещё задолго до того, как она поняла, что, мысленно представляя, как двигает предметы, она на самом деле может их двигать, Кэти знала, что отличается от других детей. Да и взрослые постоянно об этом говорили.

Она жила с мамой и папой, пока ей не стало почти четыре года, и хотя они оба были добрыми и любящими, иногда её поведение их озадачивало.

– Она никогда не плачет! – часто говорила Моника Уэлкер, когда Кэти могла её слышать. – Мне бы не хотелось нянчить капризного ребёнка, но даже будучи младенцем, она никогда не плакала. Сначала я ужасно боялась, что с ней что-то не так, я имею в виду, в умственном плане. Но вскоре мы поняли, что всё совсем наоборот. Кэти настолько умная, что иногда пугает меня!

Размышляя об этом, Кэти приходила к выводу, что Моника, её мама, совершенно сбита с толку. Сначала она боялась, что её ребенок умственно отсталый, а потом стала бояться, потому что он оказался слишком умным.

Когда Кэти была маленькой, она называла своих родителей мамочкой и папочкой. Но теперь Моника совсем не казалась её матерью. Родители Кэти вскоре развелись, и мама уехала работать и не смогла взять её с собой, поэтому Кэти стала жить с папой и бабушкой Уэлкер. Но потом папа уехал работать в другой город, и она осталась с бабушкой. Бабушка тоже считала Кэти необычной. Пока она жила с бабушкой, Моника иногда навещала её, но было ясно, что рядом с Кэти ей не по себе.

Кэти понимала, что это частично её вина. Она знала, что кое-что из того, что она умеет делать, не умеет ни один другой ребёнок, и, наверное, ей следовало это прекратить. По крайней мере, когда об этом могли догадаться другие люди. Но это было всё равно как если бы у вас был зуд и вы не могли почесаться. Когда ей хотелось что-нибудь сдвинуть с места, желание было настолько велико, что она не могла сопротивляться, поэтому Кэти делала это, не думая о последствиях.

Как в тот раз, когда бабушка повредила ногу и то и дело говорила, что не хочет оставлять свой пенсионный чек в почтовом ящике, потому что гадкие мальчишки Джонсонов могут украсть его по пути домой из школы. Они часто заглядывали в чужие почтовые ящики, чтобы посмотреть, что там лежит, и много раз разбрасывали почту в придорожной канаве.

– Не думаю, что смогу дойти так далеко, – говорила бабуля Уэлкер и потирала колено, которое ушибла, поскользнувшись на ступенях в подвал.

– Я могла бы принести, – предложила Кэти.

– Нет, нет! Не хочу, чтобы ты ходила туда одна в такую ужасную погоду! Ты же знаешь, что случилось в прошлый раз.

В прошлый раз один мужчина остановился рядом с ней и сказал, что может подбросить её на машине. Кэти знала, что это хороший человек, но она не села в машину, и он просто улыбнулся и уехал. Кэти пыталась объяснить, что он предложил это только потому, что решил, что ей далеко до дома, к тому же шёл дождь, было холодно, а он просто хотел помочь. Но бабуля Уэлкер была убеждена, что это преступник.

Кэти не знала, что именно могли сделать преступники. Но знала, что что-то плохое, и была достаточно умна, чтобы не садиться в чужую машину и не ходить с незнакомцами. Взрослые то и дело говорили о подобных вещах, а потом вели себя так, словно у тебя совсем нет мозгов, хотя и признавали, что ты очень умён.

Не желая расстраивать бабушку, Кэти не стала больше об этом говорить. Но пока бабуля чистила картошку к ужину, Кэти уселась на диван у окна в столовой и стала пристально смотреть на почтовый ящик. Его дверца была плотно закрыта, и Кэти начала уже думать, что ничего не получится. Но потом дверца открылась, и Кэти приподняла рыжеватый конверт, в котором всегда присылали чек, бесшумно перенесла его по воздуху, открыла дверь, внесла конверт внутрь и положила его на стол в столовой.

Бабушка Уэлкер нашла конверт, когда стала накрывать на стол. Она взвизгнула, как старина Дасти, когда кто-нибудь наступал ему на хвост, и чуть не выронила тарелки.

– Откуда он взялся? – спросила она.

Кэти повернулась, прикрыла юбкой расцарапанные коленки и невинно спросила:

– Что?

– Мой чек! Мой пенсионный чек!

Кэти молча смотрела на неё.

– Почтальон принёс его?

– Наверное, – согласилась Кэти, решив, что так будет проще. Только бабушка не желала сдаваться так просто.

– Он отдал его тебе? Он постучал в дверь?

Кэти продолжала молча смотреть на бабушку. Она знала, что взрослых беспокоит, когда на её маленьком лице не отражается никаких чувств, однако в большинстве случаев это был самый безопасный способ.

Через несколько минут бабушка сдалась и унесла чек, что-то бормоча себе под нос.

Кэти подумала, что, возможно, лучше было бы рискнуть и позволить Джонсонам вытащить чек из почтового ящика, чем помогать бабуле.

Ей потребовалось время, чтобы научиться быть осторожной с предметами, которые она перемещала. Теперь она знала, как называется способность передвигать вещи: она прочла о ней в книге. Телекинез. Это означало, что она способна перемещать предметы с одного места на другое, не прикасаясь к ним. Сначала Кэти не подозревала, что была единственной, кто умеет это делать. Но когда окружающие стали пугаться, она быстро обо всём догадалась.

Однажды бабушка Уэлкер была занята на кухне и попросила Кэти:

– Мне нужен чистый носовой платок. Будь умницей, сбегай наверх и возьми его в верхнем ящике комода.

Кэти, которая в это время сидела, свернувшись калачиком в кресле-качалке, грызла яблоко и читала «Зов предков», мысленно сосредоточилась, выдвинула ящик комода, нашла носовой платок и перенесла хлопковый квадратик вниз по лестнице прямо в карман фартука бабули.

– Кэти! Ты меня слышала? Сбегай наверх...

– Носовой платок у тебя в кармане, – сказала Кэти, выплюнув семечко от яблока и успев заметить изумление на бабушкином лице, когда она сунула руку в карман.

– Могу поклясться, что минуту назад его там не было...

Она с подозрением посмотрела на Кэти, которая опять погрузилась в чтение.

– Я заметила, что из кармана торчит уголок, – объяснила Кэти.

Бабушка Уэлкер больше ничего не сказала, но подозрение у неё явно осталось.

Со временем эта особенность Кэти стала создавать всё больше проблем. Когда Кэти научилась выключать свет, лёжа в постели, переворачивать страницы книги, не прикасаясь к ним (обычно она делала это, когда на неё никто не смотрел, но иногда забывала), а также расчёсывать волосы без расчёски, бабушка Уэлкер стала нервничать всё больше и больше.

После того как страницы проповеди пастора Грутена перемешались, бабушка перестала брать её в церковь, хотя Кэти не имела к этому никакого отношения. В открытое окно ворвался порыв ветра (день был очень жаркий), страницы соскользнули на пол, а когда пастор их поднял, они все были перемешаны.

Конечно, это была её вина, когда волосы пастора Грутена встали дыбом и принялись как будто исполнять какой-то странный танец. Это была длинная, скучная проповедь, и Кэти, которая никак не могла сосредоточиться, принялась развлекать себя. Она не думала, что это кто-нибудь заметит. Она также перемещала потоки воздуха, которые несли пыльцу с соседнего поля, засеянного амброзией, и все присутствующие в церкви начали хвататься за носовые платки.

Пастор Грутен был из тех, кто терпеть не может плачущих детей на проповедях, а также кашля и чихания. Он замолчал и, нахмурившись, посмотрел на свою паству. Как они все могли одновременно начать чихать?

Потом Кэти забавы ради переместила струю воздуха, так что пыльца попала прямо под нос пастору Грутену, и когда он чихнул, ему пришлось схватиться за страницы своей проповеди, чтобы они не улетели с анаоя. Однако улетели они только в следующее воскресенье. Кэти помнила, что в тот день её бабушка с подозрением вспоминала о вставших дыбом волосах пастора, после того как один из дьяконов закрыл все окна. Всё произошло после проповеди, когда бабушка сказала, что в это воскресенье Кэти может остаться у старой миссис Тэннер из дома напротив, вместо того чтобы идти в церковь. Миссис Тэннер была прикована к постели, и Кэти должна была читать ей в течение полутора часов.

Кэти не возражала. Она хорошо читала (она сама научилась читать в три года), и миссис Тэннер позволяла ей выбирать любую книгу. Кэти прочла ей «Нежного Бена», «Вид с вишневого дерева» и «Чарли и шоколадную фабрику». Миссис Тэннер угощала её овсяным печеньем. Печенье было магазинное, не такое вкусное, как домашнее, но всё равно это было очень мило с её стороны.

Хотя новый распорядок нравился Кэти больше, после тех роковых воскресений она поняла, что должна быть более осторожной. Она пыталась усыпить подозрения бабушки Уэлкер и перестала перемещать вещи и выключать свет, лёжа в постели, за исключением тех случаев, когда бабушки не было поблизости.

Однако было уже слишком поздно. Хотя бабушка Уэлкер никогда не называла Кэти ведьмой или чем-то похуже, было очевидно, что ей рядом с ней не по себе.

Мистер и миссис Армбрастер, жившие напротив, ясно дали понять, что не хотят, чтобы Кэти находилась рядом с их домом. В основном они обвиняли Кэти в том, чего она не делала, вроде улетевших страниц проповеди пастора Грутена. Упавшие на голову мистера Армбрастера фрукты могли упасть на кого угодно, кто проходил по их плодовому саду в конце лета. Если бы мистер А. в тот момент не увидел, что Кэти смотрит на него, он бы и не думал, что она имеет к этому какое-то отношение. И это не она открыла ворота и выпустила свиней в поле, где росла трава для коров мистера Армбрастера.

Армбрастеры тоже никогда не называли её ведьмой, но мистер Армбрастер как-то сказал пастору Грутену в присутствии Кэти, что ему постоянно не везёт, когда эта девочка поблизости. Как и многие другие люди, с которыми Кэти регулярно встречалась, Армбрастеры её побаивались.

То же относилось и к ребятам в школе.

Кэти знала, что никогда не станет душой компании и лидером. Она умела хорошо играть в активные игры, но всегда находился кто-то, кому не нравилось, как она играет. Ей же не нравились летящие в неё твёрдые и быстрые мячи: однажды, когда она была ещё в детском саду, ей в лицо попали мячом для софтбола, разбили очки и остался синяк. Это было до того, как она научилась отклонять мяч в сторону. Кэти знала, что это может испортить игру, но, как и со множеством других вещей, она просто не могла удержаться. Когда ей было жизненно необходимо что-нибудь переместить, она это делала.

Пока камень, который врезался в лодыжку мистера П., был самым тяжёлым предметом, который она переместила. Кэти знала, что её силы всё возрастают. Может быть, однажды она сможет передвигать что-то по-настоящему крупное, например, автомобили или людей.

Сидя на балконе многоквартирного дома, Кэти хихикнула, представив, как было бы здорово поднять мистера П. вверх по лестнице, чтобы его портфель и все бумаги разлетелись в разные стороны. Она никогда не осмеливалась делать ничего подобного, но сама мысль об этом была забавной.

– Кэти! – раздался голос Моника из стеклянных раздвижных дверей у неё за спиной.

Моника хотела, чтобы Кэти называла её мамой, как в детстве, но пока Кэти не могла заставить себя это делать. Бабушка Уэлкер всегда называла её маму Моникой, так же называл

её папа, и Кэти привыкла думать о маме как о Монике. После шести лет жизни вдали от мамы она стала ей почти чужой.

– Кэти! Где ты? Милая, будь осторожна, там высоко.

Моника стояла в дверях в красивом летнем костюме бледно-голубого цвета, делавшем её глаза ещё более синими, а волосы ещё более светлыми. На её красивом лице застыло обеспокоенное выражение.

– Как я могу упасть, если сижу за решёткой? – рассудительно спросила Кэти. – Ты уже уходишь?

– Да. Няня только что приехала. Иди познакомься с ней.

– Я же тебе говорила, что мне не нужна няня. Мне почти десять лет.

– Да, но ты привыкла жить за городом, а в городе всё по-другому. Может случиться всё, что угодно...

– Я знаю про преступников и тому подобное, – с достоинством ответила Кэти. – Знаю, что двери надо держать закрытыми и никому не говорить по телефону, что я одна дома. Я не глупая.

– Конечно, нет! Но я буду чувствовать себя лучше, если ты будешь не одна. Поэтому просто доставь радость своей маме. И веди себя хорошо с няней.

Кэти встала с пола и со вздохом вошла в комнату. Глупо, да к тому же расточительно нанимать няню, когда тебе уже почти десять лет. Она знала, что Моника не могла себе этого позволить. Она уже призналась, что эта квартира была лучшей, какую она только могла найти, и ей пришлось урезать другие расходы, чтобы оплатить аренду.

Нет, конечно, с квартирой всё было в порядке. Она была очень хорошая. Только маленькая. Прежде Моника жила в двухкомнатной квартире, потому что это было дешевле, и после смерти бабушки Уэлкер вынуждена была искать жилье в спешке. Спальня Кэти была настолько мала, что там умещались лишь одна кровать, комод и крошечный стол, но зато квартира считалась трёхкомнатной. Кладовка в доме бабушки была больше, чем новая спальня Кэти. А некоторые бабушкины шкафы были почти такого же размера.

– Миссис Хорнекер, это моя дочь Кэти, – бодро произнесла Моника. – Кэти, это няня, миссис Хорнекер.

Кэти взглянула на миссис Хорнекер и сразу же поняла, что возненавидит её.

Глава 2

Миссис Хорнекер была высокой и худой, и у неё были очень большие ступни. На подборке у неё сидела бородавка с двумя торчащими волосками.

Кэти зачарованно уставилась на бородавку. Она никогда прежде не видела ничего столь уродливого на человеческом лице и спросила:

– Она не болит?

Моника уже взялась за ручку двери, но тут же обернулась.

– Что именно? – спросила миссис Хорнекер. Её голос звучал словно из-под слоя гравия.

– Бородавка, – объяснила Кэти.

Лицо миссис Х. стало красным, а Моника издала сдавленный звук.

– Кэти, ради бога! Невежливо так говорить!

Миссис Х. прочистила горло, но её голос по-прежнему был грубым:

– Идите на работу, миссис Уэлкер. Я позабочусь о девочке.

Моника поспешно вышла, радуясь возможности сбежать.

Миссис Х. долго смотрела на Кэти, словно раздумывая, съесть её жареной или варёной.

– Ты достаточно большая, чтобы успеть научиться хорошим манерам, – сказала миссис Х. – И не делать замечаний о таких вещах, как бородавки.

– Вы будете учить меня хорошим манерам? – спросила Кэти. – Я думала, вас наняли, чтобы вы за мной присматривали. Но мне это не нужно. Я сама могу о себе позаботиться.

– Давай-ка кое-что уточним, – сказала миссис Х. – Я не потерплю дерзости. Твоя мама сказала, что ты непростая девочка, но не думаю, что ты мне не по зубам.

Неужели, подумала Кэти. Что ж, посмотрим. Она знала, что миссис Х. ей вполне по зубам, и постаралась не обижаться на слова Моника. Что она имела в виду?

– Твоя мама сказала, что ты ещё не завтракала. Я приготовлю завтрак, – сказала миссис Х. и на своих огромных ступнях протопала на кухню. – Я убеждена, что дети должны учиться ответственности, – продолжала она. – Накрой-ка на стол, пока я готовлю. Я должна была встать очень рано и ещё не завтракала, так что доставай два прибора.

Кэти ничего не ответила. Она неподвижно стояла в дверях, пока няня открывала холодильник. Миссис Х. достала яйца, масло, варенье и упаковку колбасок, а потом открыла морозилку и нашла банку замороженного апельсинового сока. Через несколько минут она сердито обернулась.

– Я же велела тебе накрыть на стол, мисс.

– Он накрыт, – сказала Кэти.

За стёклами очков её глаза блестели серебряным блеском, и она знала, что с этой роговой оправой немного похожа на сову.

– Ты же с места не сдвинулась... – начала было миссис Х. и тут же осеклась. На столе стояли две пластиковые тарелки, стаканы для сока и лежали серебряные приборы. Впервые няня выглядела неуверенной. – Ты забыла про салфетки, – сказала она таким тоном, словно это было не так уж и важно. Кэти представляла, как лихорадочно работает мозг няни, пытаясь понять, как девочка могла накрыть на стол, не сдвинувшись с места. – Это твоя мама накрыла на стол, перед тем как уйти?

Кэти не ответила. Она знала, что взрослые приходят в замешательство, если она им не отвечает. Она подождала, пока миссис Х. возьмёт вилку, чтобы переверачивать колбаски, выхватила из салфетницы на столе две бумажные салфетки и уложила их рядом с тарелками.

Одна из них как раз была в воздухе, когда няня повернулась к пластиковому столу.

Миссис Х. сглотнула и выронила вилку. Однако она не упала на пол, а медленно поплыла к столу и легла рядом с электрической сковородой.

Краска отхлынула от лица миссис Х. Кэти увидела, как её губы начали дрожать, и постепенно дрожь распространилась на руки.

Мгновение они обе хранили молчание. Маленькое лицо Кэти оставалось бесстрастным. Она прекрасно понимала, что рискует, но ей была невыносима мысль о том, что миссис Х. будет её няней всё лето, пока она снова не пойдёт в школу. Кэти было необходимо сегодня же избавиться от неё.

Миссис Х. облизнула губы и осторожно спросила:

– Где ты была? Ведь все эти годы ты не жила со своей мамой...

– В основном сидела взаперти, – ответила Кэти.

Это была почти правда. Бабушка Уэлкер иногда запирала её по ночам, пока не выяснила, что это не работает: ключ всё равно поворачивался в замке, а засов отодвигался, даже если они находились с другой стороны двери.

Миссис Х. была очень бледна. Она забыла о еде. Но Кэти проголодалась. Она решила, что будет уже слишком, если яичница с колбасками приплывёт к ней через всю кухню, поэтому подошла к столу и положила себе немного яичницы. Кроме того, она опасалась, что тарелка может оказаться слишком тяжёлой и упадёт на пол.

Кэти забыла взять тосты, которые как раз выскочили из тостера, но тут зазвонил телефон. Миссис Х. повернула голову, и тост плавно полетел по кухне. Миссис Х. ничего бы не заметила, если бы один кусочек вместо того, чтобы приземлиться прямо в тарелку Кэти, не врезался в край стола и упал на пол.

Телефон продолжал звонить, и миссис Х. бросилась к нему.

Кэти съела весь завтрак, а няня всё не возвращалась. Кэти подумала, достаточно ли будет сегодняшнего представления или нужно что-то большее, чтобы миссис Х. завтра не вернулась.

Она решила подождать и понаблюдать, что случится дальше. А пока можно посмотреть, нет ли кого-нибудь в бассейне. Ей сказали, что она не должна плавать, если с ней рядом никого нет. Кэти попыталась представить миссис Х. в купальнике, и на её обычно серьёзном лице появилась широкая улыбка.

Маленький балкончик на фасаде дома был отдельным и не соединялся с балконом квартиры 2-В. Однако там была терраса с перилами, идущая вдоль всей внутренней части здания, откуда можно было увидеть бассейн, и все жильцы имели к ней доступ. Кэти вышла на террасу и посмотрела на ярко-голубую воду.

В бассейне никого не было. Она и не надеялась, что в это время там кто-нибудь будет, хотя на солнце уже стало довольно жарко. Интересно, нет ли по соседству других детей? Позавчера, когда она только что приехала, Кэти спросила об этом Монику, но сама Моника жила здесь всего неделю. Она ещё никого не знала.

Кэти села, по-индийски скрестив ноги, на тёплые доски террасы. Может быть, кто-нибудь всё же решит поплавать. Или выйдет на террасу, чтобы она могла увидеть, кто ещё здесь живёт и как они выглядят.

Кэти не могла представить, как можно прожить здесь целую неделю и никого не знать. Это совсем не то, что жить за городом, недалеко от такого маленького городка, как Дилейни. Здесь она не сможет одна ходить на долгие прогулки, осенью поднимать в воздух листья, словно облако цветного дыма, и разговаривать сама с собой, не опасаясь, что её примут за сумасшедшую. Иногда дети её так и называли. Сумасшедшая Кэти.

Но почему разговаривать с собой – признак сумасшествия? С кем же ещё разговаривать, если у вас нет друзей?

Кэти не думала, что в этом есть что-то особенное, но ей не нравилось, как люди на неё смотрят, когда она говорит сама с собой, поэтому она делала это, только когда была одна. Или думала, что одна. Здесь же она будет чувствовать себя так, словно кто-то постоянно на неё

смотрит и подслушивает за раздвижными стеклянными дверями и задвинутыми шторами. Все шторы в доме были задвинуты, кроме штор у неё за спиной.

Через приоткрытые раздвижные двери Кэти услышала, как миссис Х. говорит по телефону:

– Пожалуйста, попросите её позвонить домой, как только она придёт.

Значит, она звонит Монике. Кэти обеспокоенно заёрзала, размышляя, расскажет ли ей миссис Х. о случившемся или просто уйдёт. Она надеялась, что миссис Х. просто уйдёт. Как нередко случалось после того, как она не могла побороть искушение и кого-нибудь пугала, Кэти начала сомневаться. Может быть, ей не стоило быть настолько дерзкой в стремлении прогнать няню? Может быть, когда-нибудь кто-то из взрослых решит, что она сошла с ума, и её отправят в сумасшедший дом? Туда, где она не сможет открыть замки и выйти на свободу.

От этой мысли Кэти стало холодно, и она потёрла голые руки, на которых тут же выступили мурашки.

Позавчера, в субботу, Моника приехала в Дилейни, чтобы забрать её. После смерти бабушки Уэлкер Кэти спала в свободной комнате в доме Тэннеров. Миссис Тэннер, которая наполовину ослепла и почти полностью оглохла, не думала, что в Кэти есть что-то особенное. Вы могли поднимать и опускать шторы, включать и выключать свет, прибавлять звук или переключать телеканалы или заставлять страницы лежавшей на коленях книги переворачиваться, и миссис Тэннер бы даже не заметила. Поэтому, когда Моника нервно спросила, как у них дела, миссис Тэннер улыбнулась и ответила, что всё просто прекрасно: они с Кэти всегда отлично ладили, и ей будет не хватать её чтения вслух.

Кажется, Моника вздохнула с облегчением и сказала, что у них нет времени остаться на ужин, впереди долгая дорога и им лучше выехать сейчас же. Она сложила вещи Кэти в «Тойоту Целику», усадила Кэти в машину, и они поехали в город. Кэти успела лишь потрепать по голове старого пса Дасти. В горле у неё стоял комок, поэтому она ничего не сказала. В любом случае, старина Дасти был глухим и, скорее всего, не услышал бы её.

По пути они остановились, чтобы перекусить гамбургерами с луком, жареной картошкой и молочными коктейлями. Кэти выпила ананасовый, а Моника – ванильный.

С Моникой было нелегко говорить. Кэти твердила себе, что раз Моника её мама, они должны любить друг друга, особенно теперь, когда им снова предстоит жить вместе.

Но она не чувствовала любви к Монике. Как можно забыть, что твоя мама оставила тебя у кого-то другого, вместо того чтобы забрать с собой?

Конечно, Моника попыталась всё объяснить:

– Дело не в том, что я не хотела забирать тебя, милая. Ты же ведь это знаешь, правда? Я тебе уже говорила, что мне надо было работать, и я не могла заботиться о тебе, когда ты была маленькой. Когда мы с твоим папой были вместе, у нас было достаточно денег, чтобы заплатить няне. Папа работал в одну смену, а я в другую, и мы могли приглядывать за тобой. Но я не могла позволить себе этого, когда папа ушёл.

Моника быстро взглянула на неё, когда они ехали по шоссе, но Кэти не удостоила её взглядом. Её волосы развевались на ветру, он приятно охлаждал горячие щёки. Она сделала вид, что заинтересованно смотрит на стадо голштинских коров, пасущихся на поле, хотя не раз уже их видела. Наверное, там, куда они едут, коров не будет.

– Я всегда мечтала, – продолжала Моника, – чтобы мне не пришлось жить так далеко от тебя и я бы могла почаще тебя навещать. Я скучала по тебе, Кэти.

Кэти ничего не ответила, и после этого Моника больше с ней не заговаривала. Когда они почти приехали, она откашлялась, как всегда делали все взрослые, прежде чем сказать, что это для твоего же блага. Пока Кэти не замечала, чтобы это было так, но именно это она часто слышала.

– Завтра ты встретишь Нейтана, – сказала Моника. – Он мой хороший друг. Вероятно, он придёт к нам в гости.

Кэти этого не ожидала. Она так быстро повернула голову, что у неё хрустнула шея.

– Он тоже там живёт?

Щёки Моника порозовели.

– Нет. Он просто хороший друг. Но он часто будет приходить к нам.

Тревога Кэти немного улеглась. Она была рада, что Нейтан не будет с ними жить. Правда, мысль о том, что у её мамы появился парень, её немного обеспокоила. Она знала, что именно так их называют, хотя это и были взрослые мужчины. Она слышала, как ребята в школе говорили о маминых парнях или папиных подругах. Большинство из них предпочли бы жить с родителями, которые были женаты друг на друге, однако сами родители решили по-другому. Детям приходилось мириться со многими вещами, которые им не нравились.

Когда они приехали домой, было уже темно, и они сразу легли спать и на следующее утро проснулись поздно. Как только они позавтракали, пришёл Нейтан. Это был крупный мужчина с тёмными волосами, тёмными глазами и грубой тёмной бородой. Он улыбнулся Кэти и сказал:

– Привет!

– Добрый день, – ответила Кэти.

Она оглядывалась в поисках признаков того, что Нейтан проводил в квартире много времени, но потом вспомнила, что сама Моника переехала сюда всего неделю назад, поэтому квартира ещё не была обжитой. Правда, на кофейном столике рядом с пепельницей лежала пачка сигарет, и Нейтан взял одну. Кэти ненавидела табачный дым и отодвинулась от него подальше.

Нейтан посмотрел на Моника и закатил глаза.

– Только послушай! «Добрый день». – Он передразнил Кэти. – Это твой ребёнок или твоя мама?

– Хватит, – сказала Моника. – Позволь Кэти быть собой.

А кем ещё она может быть, подумала Кэти. Она обошла гостиную и сквозь раздвижные стеклянные двери увидела бассейн, который показался ей довольно интересным, балкон и парковку на улице. В комнате был книжный шкаф, и Кэти надела очки, не прикасаясь к ним руками, и стала рассматривать книги. Там оказались любовные романы и триллеры. Любовные романы казались Кэти довольно скучными, если только в них не было много сражений на мечах или перестрелок. Однако некоторые триллеры оказались очень даже ничего. Она вытащила книгу в ярко-красном переплёте под названием «Тайна пожарной части номер пять», но не успела её открыть, как Моника выхватила книгу у неё из рук.

– Не думаю, что это подходящая книга для детей твоего возраста, милая. В четырёх кварталах отсюда есть городская библиотека. Думаю, там ты найдёшь более подходящие книги. В следующую субботу я отведу тебя туда.

Если речь шла всего о четырёх кварталах, Кэти не видела причин ждать целую неделю, чтобы взять что-нибудь почитать. Она задумалась, что такого неподходящего может быть в красной книге, и решила это выяснить, как только в понедельник Моника уйдёт на работу.

Нейтан плюхнулся в большое кресло и выпустил дым в сторону Кэти.

– Как насчёт чего-нибудь освежающего? – спросил он.

Он перекинул одну ногу через подлокотник кресла, а другую положил на кофейный столик.

В доме бабушки Уэлкер Нейтан не просидел бы и пяти минут. Кэти переместила поток воздуха таким образом, чтобы дым, плывущий к ней, повернул обратно и окружил голову Нейтана, словно маленькое облако.

Моника принесла напитки и предложила Кэти стакан лимонада. Он был покупным, но довольно вкусным. Кэти подальше отодвинулась от облака дыма и принялась искать в книжном шкафу что-нибудь подходящее. Через минуту Нейтан сказал:

– Ради всего святого, открой окно. Здесь ужасно душно.

– Можно я почитаю в своей комнате? – спросила Кэти, держа в руках книгу в бумажной обложке под названием «Девочка-единорог».

– Конечно, милая, – поспешно согласилась Моника. – Если, конечно, не хочешь посидеть с нами и посмотреть телевизор.

– Я редко смотрю телевизор, – ответила Кэти. – Я могу придумать более интересные истории, чем показывают в этих глупых новостях.

Она направилась к двери маленькой комнаты, которая теперь принадлежала ей, и услышала за спиной голос Нейтана:

– Что у тебя за ребёнок, Моника? Я никогда таких не видел.

Он даже не понизил голос. Он был одним из тех людей, которые говорят о детях так, словно их нет рядом или они ничего не слышат. Вполне возможно, что он никогда не видел никого, похожего на Кэти. Она и сама не встречала других таких детей. Но ей искренне хотелось, чтобы это было не так.

Потому что ей было очень одиноко.

– Никогда не видел таких глаз, – продолжал Нейтан. – Они совсем не как у тебя. У твоего мужа тоже были серебряные глаза?

– Они не серебряные, – смущённо поправила Моника. – Просто серые. Нет, у Джо были карие глаза.

– Разве не удивительно, что у человека с карими глазами и у человека с голубыми глазами рождается ребёнок с серебряными глазами?

– С серыми глазами, – опять поправила Моника.

Кэти закрыла дверь, чтобы больше не слышать их разговор. Она растянулась на кровати, показавшейся жёсткой и чужой, и открыла книгу.

К её большому разочарованию, книга была вовсе не о девочке-единороге, а всего лишь о девочке, которая умела разговаривать с единорогами. Может быть, она окажется не такой уж плохой. Кэти подумала, что было бы неплохо уметь разговаривать с единорогами.

По крайней мере, лучше, чем разговаривать с самой собой.

Глава 3

За всё утро в бассейн так никто и не пришёл.

Наконец Кэти надоело сидеть и смотреть на пустой бассейн. Она обнаружила, что если очень сильно сосредоточиться, то можно заставить воду выплёскиваться за бортик и ручейками бежать по плиткам. Рядом с шезлонгом кто-то оставил ботинки и носки, и Кэти подалась вперёд и сконцентрировалась изо всех сил, пока вода волной не выплеснулась за бортик и не намочила их.

Однако никто за ними не пришёл, и Кэти встала и начала ходить по террасе. У дверей во внутреннем дворе не было табличек с именами, и все шторы были задёрнуты, так что она не могла заглянуть внутрь. Кэти решила, что жить в многоквартирном доме «Седарс» будет довольно скучно.

Между раздвижными стеклянными дверями находилась простая дверь, и когда Кэти открыла её, то оказалась в небольшом помещении, ведущем к главному коридору. Может быть, пройтись по этажу – ей не хотелось возвращаться в квартиру. По крайней мере, пока там миссис Х.

На табличке рядом со звонком у квартиры 2-В было написано «Майклмас». Не мистер или миссис, а лишь одна фамилия. А перед дверью сидел кот.

Это был большой серый кот с несколькими чёрными отметинами на морде, придававшими ему сердитое выражение. Он сидел, сжавшись в комок, так что Кэти захотелось опуститься рядом с ним на колени.

– Что случилось, котик? Ты выглядишь совсем больным.

Я болен. Мне очень больно.

Кэти замерла от удивления. Конечно, это не кот ответил ей. Однако слова возникли у неё в голове так отчётливо, словно она их услышала.

– Что у тебя болит? – Кэти не прикасалась к коту, а только села на корточки, чтобы её лицо было на уровне его морды. У него были жёлтые немигающие глаза.

Дверь распахнулась так неожиданно, что Кэти чуть не упала.

– Вот ты где, Лобо! А ты кто?

Женщина, стоявшая в дверях (возможно, это была миссис Майклмас), оказалась такой же старой, как бабушка Уэлкер. На ней было просторное платье с красно-зелёно-синим узором, и она ещё не успела причесать седые волосы. Позже Кэти узнала, что волосы миссис Майклмас никогда не выглядели причёсанными.

– Я Кэти Уэлкер. Я живу вон там. – Кэти указала рукой на дверь квартиры 2-А.

– Рада знакомству. Я Энни Майклмас. А этого несчастного кота зовут Лобо, что означает...

– Волк, – подсказала Кэти.

– Ты знаешь испанский?

– Я могу прочесть несколько слов, – скромно пояснила Кэти. – Лобо болен. Ему очень больно.

– Правда? – Впервые в жизни взрослый не вёл себя так, словно Кэти была сумасшедшей или странной. Миссис М. наклонилась поднять кота, и Лобо тут же принялся извиваться у неё в руках. – Что у тебя болит, малыш?

– Думаю, это инфекция мочевого пузыря. Это очень больно. Однажды она была у моей бабушки.

– И у меня тоже. Ты права. Это очень больно. – Миссис М. прижала кота к своему цветастому платью. – Думаю, лучше отнести его к ветеринару.

– Я согласна. – За спиной миссис М. Кэти увидела уютную и заставленную вещами квартиру. Повсюду были книги и журналы: на полках, на столах и даже на полу. Ей стало интересно. – Не могли бы вы дать мне что-нибудь почитать, пока я не схожу в библиотеку? Моника... Мама говорит, что её книги не подходят для десятилетних девочек.

Миссис М. близоруко посмотрела на неё.

– Тебе десять лет? Что ж, не все мы великаны. Конечно, я могу дать тебе что-нибудь почитать. Что бы ты хотела? Детектив? Научную фантастику? Рассказы об убийствах?

Кэти кивнула.

– Что угодно, главное, чтобы было интересно.

– Заходи и выбери сама. Как тебя зовут? – спросила миссис М.

Кэти ответила и последовала за миссис М. в её квартиру. В комнате стоял телевизор, но сверху были сложены газеты, закрывая часть экрана. Кэти поняла, что миссис М. большую часть времени проводит за чтением.

– Располагайся, – сказала миссис М. и бережно посадила Лобо на кушетку с оранжевыми и коричневыми цветами. – Я позвоню узнать, когда доктор Грант сможет принять Лобо. Хочешь есть? На столе фрукты. Угощайся!

Кэти взяла гроздь фиолетового винограда и прошла мимо большого кожаного потрёпанного кресла и стула с полосатой сине-зелёной обивкой и красной подушкой к книжным полкам.

Позади раздался голос миссис М.:

– Четыре часа? Хорошо, я приду.

Она вернулась и провела рукой по опущенной голове Лобо.

– Мы о тебе позаботимся, малыш. Не переживай, дружок. Нашла что-нибудь почитать?

Кэти решила, что последний вопрос адресован ей, если только Лобо не был лучше образован, чем можно было подумать на первый взгляд.

– Всё ещё ищущ. Что такое первоцвет?

– «Алый первоцвет»?¹ Ты не читала эту книгу? Это одна из лучших книг на свете, – сказала миссис М. – Возьми её, она тебе понравится. Думаю, я читала её раз двадцать. А может быть, и больше.

Кэти взяла книгу и высосала виноградную мякоть из кожицы, после чего съела обе половинки.

– Когда я её закончу, можно будет прийти и взять что-нибудь другое?

– Конечно. Почему бы и нет? Послушай, – сказала миссис М., – я знаю, как бывает у ветеринара. Я буду сидеть там полчаса, и как только подойдёт очередь Лобо, кто-нибудь приведёт своего сенбернара на срочную операцию, и мне придётся ждать ещё час или два. Сегодня вечером должен прийти газетчик, чтобы собрать деньги. Ты не могла бы встретить его и заплатить за меня? Вот деньги. Обычно он приходит около пяти.

– Хорошо, – согласилась Кэти и взяла деньги.

– Его зовут Джексон Джонс, – сообщила миссис М. – Это высокий тощий паренёк. Один глаз у него голубой, а другой зелёный. Ты его ни с кем не путаешь.

– Правда? – Глаза разного цвета казались ещё более необычными, чем серебряные. – Хорошо, я его встречу.

– Когда закончишь «Алый первоцвет», почитай вот это. – Миссис М. дала Кэти ещё одну книгу. – Любишь вестерны?

Кэти решила, что миссис М. ей нравится так же сильно, как не нравится миссис Х. И поскольку приближалось время обеда, а виноград не мог заглушить чувство голода, она решила пойти домой.

¹ «Алый первоцвет» – приключенческий роман, написанный баронессой Эммой Орци в 1905 году.

Кэти пришлось вернуться на террасу внутреннего двора и пройти через стеклянные раздвижные двери, потому что главная дверь была заперта, а ключа у неё не было. Она подскочила на месте, услышав из кухни голос миссис Х.: Кэти надеялась, что няня уже ушла, даже если это и было не очень профессионально.

– Где ты была?

– Гуляла, – пожалала плечами Кэти.

– Может быть, уберёшь за собой кровать? Ты достаточно большая, чтобы делать это самостоятельно.

Неужели миссис Х. решила, что всё случившееся ей просто привиделось? Разговаривала ли она с Моникой, и решила ли уйти или передумала? Кэти подумала, что, может быть, стоит сделать так, чтобы у миссис Х. не осталось сомнений, стоит ли работать. Ей даже не пришлось слишком сильно стараться, чтобы разгладить простыни и одеяло и набросить на кровать покрывало. Она не смогла повернуть подушку так, как ей хотелось, поэтому оставила её лежать криво.

Миссис Х. сердилась, когда Кэти стояла на месте с упрямым выражением лица.

– Сегодня я останусь здесь до вечера, – сурово сказала она. – И пока я здесь, ты будешь делать то, что я скажу. Наведи порядок в комнате!

– Но там всё в порядке, – ответила Кэти, мысленно взяла бумажную салфетку и бросила её в корзину для мусора.

– Я заглядывала туда десять минут назад, – сказала няня, – так что не обманывай меня.

– Почему бы вам не заглянуть прямо сейчас? – спросила Кэти и прошла мимо няни в гостиную.

Ей хотелось посидеть в большом кожаном кресле, но от него пахло табаком Нейтана, поэтому она села в маленькое кресло-качалку.

Она услышала тяжёлые шаги миссис Х., которая отправилась в спальню Кэти. Через несколько мгновений девочка подняла глаза от книги и увидела, что миссис Х. стоит прямо над ней.

В ней было что-то угрожающее. Сердце Кэти забилося быстрее: что она будет делать, если миссис Х. схватит её? Сможет ли она помешать ей?

– Как ты это делаешь? – спросила няня.

– Что? – Кэти посмотрела на неё с видом оскорблённой невинности, который всегда сбивал с толку и сердил бабушку, учителей и других взрослых.

Мгновение миссис Х. стояла над ней, потом повернулась и вышла из комнаты. Кэти услышала, как она возится на кухне. Ей очень хотелось послушать, что няня говорила Монике по телефону. Она решила, что миссис Х. отказывается от работы и завтра не вернётся.

Кэти была настолько поглощена «Алым первоцветом», что забыла следить за временем. Она видела, как миссис М. вышла на улицу с Лобо в картонной переноске для кошек и отправилась к ветеринару. На ней было платье с тёмно-красными, алыми и розовыми цветами, а в руке она несла огромную белую сумку. А потом Кэти настолько погрузилась в чтение («Ты как будто пьянеешь и не замечаешь, что происходит вокруг», – раздражённо говорила бабушка Уэлкер), что подскочила на месте, услышав звонок в дверь.

Вот дела! Она совсем забыла, что обещала миссис М. следить, когда придёт газетчик Джексон Джонс. И ей так хотелось увидеть его разноцветные глаза.

Миссис Х., весь день сидевшая на кухне и читавшая журнал «Искренние признания», поднялась, но Кэти обогнала её и бросилась к двери. С виноватым чувством она заметила, что уже больше пяти, а она совсем забыла про газетчика.

Однако она его не упустила.

У него действительно один глаз был голубой, а другой – зелёный, хотя вы могли сразу этого и не заметить. Он был довольно высоким, худым и неуверенно смотрел на неё.

– Мистер Редмонд здесь? Я собираю деньги за газеты.

– Тут нет никакого мистера Редмонда, – ответила Кэти. – Моя мама переехала сюда неделю назад.

И он произнёс слово, которое однажды Кэти тоже сказала, после чего её заставили вымыть рот с мылом.

– Со мной постоянно такое случается, – продолжал газетчик. – Люди уезжают, не заплатив. Поэтому я стараюсь брать с большинства из них деньги каждую неделю, а не раз в месяц. Кругом так много обманщиков.

– А он много тебе должен? – сочувственно спросила Кэти.

– Четыре с половиной доллара, – ответил Джексон Джонс.

Кэти решила, что он на три или четыре года старше неё, хотя точнее было сложно сказать. Он был таким высоким, а она такой маленькой.

– Твои родители не хотят получать газету?

– Не знаю. Я спрошу у мамы, когда она вернётся домой, и скажу тебе в следующий раз.

Мальчик вздохнул.

– Наверное, я завтра опять приду. Один парень из этого дома всегда заставляет меня возвращаться три или четыре раза, прежде чем заплатит. Мистер Поллард. Он живёт наверху, в квартире 3-А.

– Я его видела. Он придурок, – согласилась Кэти.

– Он такой не один на моём маршруте, но самый худший из всех. Он всегда говорит, что у него нет сдачи, а когда я стал носить деньги с собой, он то не получил денег по чеку, то у него нет пятидесятидолларовой купюры или что-то в этом роде. Ладно, взгляну завтра и узнаю, нужна ли твоей маме газета.

– Ой! Чуть не забыла. – Кэти сунула руку в карман и достала деньги, которые дала ей соседка. – Это от миссис Майклмас. Ей пришлось нести Лобо к ветеринару, и она попросила меня заплатить тебе.

Мальчик взял деньги и выписал чек.

– Миссис Майклмас очень милая пожилая леди.

– Она дала мне несколько книг. Кажется, в доме нет других детей, поэтому я рада, что у меня есть что почитать.

– Нет, здесь точно нет других детей. Я удивлён, что они тебя сюда вообще пустили. Люди ненавидят детей. Они не пускают их в самые интересные места. Папа говорит, хорошо, что у нас есть свой дом и нам не приходится снимать жильё. В нашей семье семеро детей. Никто не захочет сдать дом семье с семью детьми.

Кэти почувствовала прилив зависти.

– У меня нет братьев и сестёр. Это весело?

Джексон Джонс прекратил писать в своём блокноте и изумлённо уставился на неё:

– Весело? У меня три сестры и три брата. Ты, наверное, шутишь!

Кэти знала, что миссис Х. их слышит, поэтому вышла в коридор и закрыла дверь, слишком поздно вспомнив, что у неё не было ключа.

– Тогда как это?

– Когда у тебя большая семья? Это всё равно что сумасшедший дом. У нас две ваннные комнаты, но ни в одну из них невозможно попасть. Двум моим сёстрам пятнадцать и восемнадцать лет, и каждая по целому часу проводит в ванной, прежде чем пойти в школу. А мне приходится делить комнату с моим братом Уолли. Ему семнадцать лет, и он ужасный неряха. Он повсюду бросает банки из-под напитков и яблочные огрызки, пока они не начнут гнить, и постоянно включает свет, когда я хочу его выключить, и наоборот. Он берёт мои носки и нижнее бельё, потому что забыл положить свои в корзину для белья и они всегда грязные. И никто из нас никогда не получает карманных денег, потому что папа говорит, что с семью детьми он может лишь кормить нас, так что каждому придётся самому зарабатывать себе на карманные

расходы. А это нелегко, когда люди не желают платить тебе, даже после того, как ты выполнил работу. Вот чек для миссис Майклмас. Если она хочет, я могу брать с неё деньги раз в месяц, потому что она никогда не придумывает оправданий. А что случилось с Лобо?

– У него инфекция мочевого пузыря.

– Надеюсь, с ним всё будет в порядке. Он хороший кот. – Джексон Джонс подошёл поближе и взглянул на новую табличку, которую Моника повесила у двери. – Твоя фамилия Уэлкер?

Кэти кивнула:

– Я Кэти. Миссис М. уже сказала, что тебя зовут Джексон Джонс. Тебя называют Джеком?

Он покачал головой:

– Нет. Даже моя мама почти всё время называет меня Джексон Джонс. «Джексон Джонс, я же велела тебе убраться в подвале!» или «Джексон Джонс, не смей класть ноги на чистое покрывало!» И тому подобное. Думаю, старому Полларду уже пора вернуться домой. Может быть, если я застаю его на улице, он не сможет сделать вид, что не слышал, как я звоню в дверь.

– Удачи, – сказала Кэти, и ей пришлось звонить в дверь, чтобы миссис Х. ей открыла.

Несмотря на то, что сказал Джексон Джонс, Кэти была уверена, что жить в большой семье лучше, чем быть единственным ребёнком. Может быть, твои братья и сёстры не станут считать тебя странной и будут играть с тобой. По крайней мере рядом всегда будут люди, и тебе не будет так одиноко.

Кэти оставила на кресле открытую книгу, но не сразу вернулась к ней. Вместо этого она вышла на маленький балкон посмотреть, повезло ли Джексону Джонсу с мистером П.

Мистер П. действительно был на месте. Он только что отошёл от автобусной остановки на углу и был разгорячённым и вспотевшим. Кэти услышала голос Джексона Джонса, а потом и он сам появился из двери подъезда.

– Здравствуйте, мистер Поллард! Я могу забрать деньги за газету? Вы должны мне за две недели.

– Не сейчас, парень, я спешу. У меня свидание, и я опаздываю. Приходи завтра, ладно?

Он промчался мимо Джексона Джонса, который остался смотреть ему вслед с рассерженным и разочарованным видом.

Кэти не видела, что именно случилось, но примерно догадывалась. Она услышала, как входная дверь хлопнула от порыва ветра (она сделала всё возможное, чтобы поднять как можно более сильный ветер), и мистер П. выругался и отшатнулся. Если бы Кэти вытянула шею, то за углом балкона увидела бы его лысую макушку, если не считать нескольких прядей аккуратно зачёсанных волос. Он прикрывал рукой лицо, и кровь текла сквозь его пальцы и капала на тротуар.

– Боже! – воскликнул Джексон Джонс. – С вами всё в порядке, мистер Поллард? Вы не сломали нос?

Мистеру Полларду пришлось поставить портфель на землю, чтобы вытащить из кармана платок и остановить кровотечение. Его голос невнятно доносился сквозь платок.

– Почему дверь вдруг сама захлопнулась? Ведь ветра нет!

– Думаю, это был сквозняк. Послушайте, мистер Поллард, все остальные мне уже заплатили, и вы сэкономите мне время, если тоже заплатите прямо сейчас. Если не хотите ждать чека, я могу положить его в ваш почтовый ящик.

– Я же сказал тебе, что спешу. – Мистер Поллард подхватил портфель и поспешно вошёл в дом, захлопнув за собой дверь.

Джексон Джонс хмуро глядел ему вслед, потом поднял голову и заметил на балконе Кэти.

– Видишь? Я же тебе говорил.

– Да, он придурок, – согласилась Кэти.

Джексон Джонс сел на велосипед и поехал по улице, а Кэти вернулась в квартиру. Из-за двери она слышала, как мистер Поллард шумно поднимается по лестнице. Слегка приоткрыв дверь, она смотрела, как он поднялся на второй этаж и пошёл дальше.

Кэти подумала, открывается ли его портфель ключом, или это один из тех дешёвых портфелей с замком. Она подумала, что могла бы что-нибудь сделать, чтобы портфель внезапно открылся...

Она услышала ругань мистера П., и по лестничным пролётам полетел ворох бумаг. Когда он поднялся на второй этаж, в дом вошла мисс К. Они оба увидели Кэти, стоящую в дверях, и мистер П. с ненавистью взглянул на неё.

– Боже мой! – воскликнула мисс К. – Что случилось с вашим носом?

– Дверь захлопнулась прямо передо мной, – сдавленно ответил мистер П. и принялся собирать бумаги. – А потом на портфеле сломался замок.

– Позвольте, я вам помогу. – Мисс К. нагнулась и начала собирать лежавшие рядом с ней бумаги. Они были похожи на страховые свидетельства. – Вам очень больно?

– Ужасно. У вас случайно нет льда? Чтобы нос не слишком сильно распух.

– Конечно, я дам вам лёд. – Мисс К. посмотрела на Кэти и улыбнулась.

– Спасибо, я это ценю. Послушайте, вы заняты сегодня вечером? Не хотите поужинать вместе? Не знаю, как будет выглядеть мой нос, но если я не буду слишком страшным, может быть, вы присоединитесь ко мне? Может быть, тот маленький итальянский ресторан на Третьей улице...

Они стали подниматься по лестнице, и Кэти не слышала, что ответила мисс К.

Значит, мистер Поллард солгал Джексону Джонсу. Он не спешил на свидание. Мистер Поллард был ужасным лжецом.

Кэти вспомнила, как он посмотрел на неё, как будто знал, что она виновата в его разбитом носе и рассыпавшихся бумагах.

Она задумалась, не опасен ли мистер П.

Глава 4

Пусть Нейтан и не жил с ними, но приходил он очень часто. Он пришёл через десять минут после того, как Моника вернулась с работы с сумкой с продуктами, и успел как раз попрощаться с миссис Х.

Миссис Х. ничего не объяснила. Поджав губы, она сурово сказала, что работа ей не подходит, и если миссис Уэлкер выпишет ей чек на оплату за сегодняшний день, она уйдёт.

– Но почему? – спросила Моника. – Что случилось?

– Скажем так, мы с вашей девочкой не подходим друг другу, – ответила миссис Х. и посмотрела на Кэти, совсем как мистер П. несколько минут назад.

Может быть, миссис Х. подумала, что, если скажет правду, все сочтут её сумасшедшей? Когда няня исчезла за дверью, Кэти вздохнула с облегчением.

Но конечно же, Моника не желала этого так оставлять.

– Что ты натворила, Кэти?

Кэти бесстрастно посмотрела на неё.

– Я почти весь день читала. Потом пошла посмотреть, не плавают ли кто в бассейне, чтобы поплавать вместе, но там никого не было.

– Я говорю о миссис Хорнекер! Ты наверняка что-то сказала или сделала, что её расстроило. Она позвонила мне на работу ещё до того, как я успела приехать!

Кэти пожала плечами:

– Мне всё равно не нужна няня. Я достаточно взрослая, чтобы сама позаботиться о себе.

– Кэти, что ты сделала?

Как раз в этот момент появился Нейтан (Кэти заметила, что у него есть ключ) и увидел их лица.

– Что произошло?

– Няня ушла. Сегодня утром она позвонила мне на работу и попросила найти другую няню, потому что она не хочет работать у нас. И Кэти не говорит, что случилось.

Нейтан убрал продукты в холодильник и нахмурился.

– Ну же, девочка, что скажешь?

Её охватило негодование, хотя внешне лицо Кэти оставалось спокойным. Кто он такой, чтобы ругать её?

– Меня зовут Кэти, – сказала она, – а не девочка.

Уши Нейтана порозовели.

– Послушай, ты, маленькая...

Моника коснулась его руки.

– Нет, Нейтан, не надо. Давайте лучше поужинаем. Я проголодалась, ты тоже, и мы все устали. Я поговорю с Кэти позже. По дороге домой я купила газету, после ужина просмотрю объявления и, может быть, найду другую няню. – Она строго посмотрела на Кэти, не давая ей возразить. – И не говори мне, что няня тебе не нужна. Это мне решать.

– Если ты найдёшь другую няню, я ей могу тоже не понравиться, – сказала Кэти. – Я никому не нравлюсь.

– Почему это? – спросила Моника, забыв, что обещала поговорить об этом после ужина. – Наверное, ты говоришь или делаешь что-то такое, отчего люди тебя не любят!

– Мне не приходится ничего делать. Они просто смотрят на меня, и я им сразу не нравлюсь. Они говорят, у меня странные глаза. Но разве я в этом виновата?

Кэти вышла из комнаты, надеясь, что Моника не позовёт её и не попросит помочь готовить ужин, и услышала, как Нейтан пробормотал:

– Видишь? Другие люди тоже это замечают. У неё действительно странные глаза, Моника.

Кэти взяла книжку и ушла в свою комнату. Ей было трудно сосредоточиться, потому что из кухни доносились голоса. Наконец она решила отложить книгу, потому что «Алый первоцвет» был слишком хорош, чтобы портить его невнимательным чтением, и осторожно подкралась к двери.

Кэти внимательно прислушалась и наконец смогла различить слова.

– Моника, в этом есть нечто большее. Я в этом уверен. Ты очень нервничала, прежде чем забрать девочку, а теперь ты просто сама не своя. Что ты узнала, прежде чем привезти её сюда? Что с ней не так?

У Моника был такой голос, словно она вот-вот заплачет.

– Не знаю. Правда, Нейтан, я не знаю! Она всегда была другой...

– Что это значит? Дай-ка это мне, я порежу салат, а ты займись бифштексом. Что значит «другой»? Если не считать этих странных глаз?

– Когда она была младенцем, она никогда не плакала. Никогда, Нейтан! Даже когда была голодной, мокрой или когда я однажды нечаянно уколола её булавкой! Она вообще не плакала. Пару лет назад я спросила бабушку Уэлкер, плакала ли когда-нибудь Кэти, и она ответила, что нет. Ты слышал о ребёнке, который никогда не плачет, даже если ему больно?

Кэти оперлась на дверь, прислушиваясь к стуку столовых приборов и пластиковых тарелок, расставляемых на столе.

– И по её лицу никогда нельзя было догадаться, о чём она думает. Её лицо ничего не выражает. Она никогда не плачет и никогда не смеётся. По крайней мере при мне. Да, я знаю, что она недовольна, что я отправила её жить с матерью Джо: она думает, я бросила её, хотя я пыталась объяснить, почему я должна была это сделать. В сентябре ей будет десять лет, и мне казалось, она достаточно взрослая, чтобы всё понять, но, видимо, она не понимает.

– Или не хочет понимать, – вставил Нейтан.

– Может быть. Нейтан, нам было так сложно! Даже когда я была замужем за Джо и мы оба работали, денег всегда не хватало. За год до рождения Кэти у нас накопилось множество долгов по медицинским счетам. После того как мы попали в аварию, я потеряла ребёнка, и в течение месяца или даже больше мы оба не могли работать. А потом я устроилась на работу в «Кёртис Фармасьютикалс». Мне пришлось искать новую работу, потому что на старой не стали ждать, пока я снова выйду, и на какое-то время ситуация улучшилась. Зарплата была хорошей, и девушки, с которыми я работала, были очень милыми и приветливыми (я по-прежнему переписываюсь с двумя из них), и нам уже стало казаться, что наше финансовое положение должно наладиться...

Кэти услышала тиканье таймера, когда Моника включила духовку, чтобы подогреть бифштекс, а потом стук её каблуков, когда она подошла к раковине.

– Конечно, мы хотели ребёнка, и я была так счастлива, когда через полгода снова забеременела. У нас с Джо ещё было всё хорошо, и он тоже хотел ребёнка. Это было так странно... – Моника издала чуть слышный печальный всхлип. – На работе мы шутили насчёт того, что, наверное, у лекарств, с которыми мы имеем дело, есть какие-то волшебные свойства, потому что четыре девушки забеременели почти в одно и то же время. А потом у меня начались проблемы, и Джо с доктором решили, что мне лучше оставить работу, пока не родится Кэти. Я надеялась снова вернуться в компанию. Я должна была работать, потому что Джо зарабатывал недостаточно, чтобы нам хватало на жизнь и на оплату всех счетов. Думаю, это одна из причин нашего расставания. Но через месяц после моего увольнения они всё прекратили.

– Что прекратили? – спросил Нейтан.

– Я имею в виду работу. Закрылась вся линия по производству этого лекарства. По какой-то причине они сняли его с продажи. Они никому ничего не объяснили, но Глория (одна из девушек, работавшая вместе со мной) сообщила мне, что всех уведомили заранее. Несколько сотрудниц перешли на работу в другие отделы на фабрике, но те из нас, у кого появились

дети, больше не вышли на работу. Мы все оказались в других компаниях. Думаю, я была не единственной, у кого были проблемы с деньгами, но я ничего не могла поделать. Я бы хотела остаться дома и заботиться о Кэти, но не могла.

– Такое часто происходит в наше время, – заметил Нейтан. – Если ребёнок этого не понимает, ты ничего не сможешь поделать. Но должно быть что-то ещё, кроме её странных глаз и того, что она никогда не плачет и пугает нянь. Как она уживалась со своей бабушкой?

Голос Моники звучал сдавленно. Может быть, она как раз ставила мясо в духовку.

– Я никогда не была слишком близка с матерью Джо. Она обвиняла меня в разводе, хотя это была и его вина тоже. И даже когда у нас было всё хорошо, мама Уэлкер и я не были лучшими друзьями. Думаю, это одна из тех ситуаций, когда двое людей просто не подходят друг другу. Так что она не часто разговаривала со мной. Но думаю, Кэти и её заставляла чувствовать себя неудобно, особенно в последние пару лет.

– Каким образом? Что она делала?

– Нейтан, я не знаю. Бабушка никогда прямо не говорила, что Кэти странная, она просто постоянно на это намекала. Но мне точно известно, что она считала странным любого ребёнка, который читал так же много, как Кэти, а ведь она сама научилась читать, когда ей было всего три года. Но некоторые дети тоже рано учатся читать, поэтому дело не в этом. И кажется, у неё никогда не было друзей. Однажды я говорила с одной из её учительниц, и она тоже намекала, что Кэти странная, но я так и не смогла выяснить, что она имеет в виду. Я спрашивала, но она отвечала уклончиво. Кажется, по какой-то причине дети её недолюбливали. Да, я нервничала перед тем, как привезти её сюда, но не только из-за расходов. Я не знаю, что с ней делать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.